

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Уже перевалило за полночь, а я только возвращалась домой после уборки офиса фирмы, где директорствует муж моей ближайшей подруги Людмилы.

...Несколько лет после окончания вуза я трудилась в одном из институтов Питера. Лекций, правда, не читала, в основном вела практические занятия со студентами. В доперестроечные времена на зарабатываемые мною деньги можно было вполне прилично жить, к тому же в институтах всегда имелся какой-то приработок типа «хозтем», которые вели на каждой кафедре, предоставлялся длинный летний отпуск, что тоже можно считать большим плюсом. Но потом все рухнуло. Большинство моих бывших коллег разбежались на заработки в различные сферы деятельности, все, как одна, от науки далекие, я держалась какое-то время, потом тоже подалась на вольные хлеба, да так и не вернулась в мир образования и науки.

Людка, с которой мы познакомились в институте, теперь сидит дома с дочерьми, а ее муж, врач-гинеколог, открыл свое предприятие, пользующееся в нашем городе известностью. Я пошла к нему санитаркой, ну то есть менеджером по влажной уборке, как меня в шутку называет Людмила. В этой частной лавочке я зарабатываю больше, чем недавно преподавателем в государственном вузе, да и занята гораз-

до меньше. Как я понимаю, по восемь тысяч за лекцию у нас получают только политические деятели, причем, видимо, так хорошо живут, что забывают эти деньги задекларировать. Нам с Людкой, когда мы узнали про то, сколько такому господину заплатили за одно выступление (а сейчас в том вузе, где работали мы с Людмилой, при чуть ли не ежедневной занятости за год можно заработать примерно сорок восемь тысяч), стало дурно. Потом моя подружка решила написать письмо лектору с просьбой выслать хотя бы текст, чтобы мы с ним ознакомились, а еще лучше — прочитать ту самую лекцию по телевизору (пусть партия оплатит), ну или на крайний случай в каком-нибудь спортивно-концертном комплексе, чтобы все сотрудники вузов смогли послушать, за что можно получить такие деньги, и перенять опыт. А то, похоже, все мои бывшие коллеги что-то не так делают. Не на те темы лекции читают? Или они просто не политики? Не в деньгах счастье, конечно. Но это, по-моему, как-то лучше понимаешь, когда их много. У меня много не было никогда, так что я пока не осознаю смысла этого высказывания.

В общем, теперь я убираю офис Людкиного мужа. Спасибо ему большое за то, что он мне эту работу дает. У него там и приемные, и смотровые, и своя операционная. Развернулся Бояров хорошо. Молодец. Людкина сестра, Ленка, там же трудится, она тоже врач-гинеколог. В фирме только что закончился ремонт, и на мои плечи лег разбор авгиевых конюшен, и справилась я лишь к полуночи, но хоть деньжат подзаработала: за это Бояров мне обещал премию к зарплате выдать. Петьке, сыну, как раз новые джинсы куплю. У меня всегда так: денег в руки

еще не получила, но они все уже распланированы — сколько на что потрачу.

От работы домой пошла пешком: за полчаса или минут за сорок доберусь. Общественного-то транспорта у нас после двенадцати уже не дождешься, а машину ловить накладно. Тем более вечер стоял теплый, дождь не лил, белые ночи хоть и не начались пока, но народ какой-то по улицам ходил — как-никак пятница.

Шла я не торопясь, сумкой помахивала, воздухом дышала. Думала: во всем есть свои положительные моменты. Пройдусь лишний километр — не только денег сэкономлю, но и похудею. Я давно собираюсь — лет двадцать уже, если не двадцать пять. С каждого следующего понедельника. Но вообще-то я пешком часто хожу, с работы в особенности, даже в те дни, когда транспорт еще всюю ходит. А с утра, если Бояров меня призывает (что, к счастью, случается редко), на транспорте еду, потому что раньше встать не могу: я — типичная «сова». Ложусь поздно: пока чайку попью, печенюшкой закушу, потом пряничком заем, еще чайку выпью. Нет, с сегодняшнего дня начинаю пить пустой чай. Даже без сахара. Правда, сегодня пятница, то есть уже на субботу перевалило... И я сегодня физически здорово нагрузилась... И сейчас пешком иду. Пожалуй, начну-ка я худеть с понедельника. Как обычно.

Вот я уже вышла на Пражскую, дом мой показался, он стоит последним, торцом на проспект Славы выходит, еще чуть-чуть — и я дома. Анна Ивановна, наверное, уже давно мне ужин приготовила... Что-нибудь вкусенькое...

Анна Ивановна — моя бывшая свекровь. С ее сыном мы прожили два года и развелись, тогда она

меня терпеть не могла и видеть не желала, да и я не особо стремилась к этому. С Колей мы вначале отношений не поддерживали, потом снова стали встречаться, Петька подрастал, а мальчишке отец нужен, общение с мужчиной, так что я Колины приходы в гости всегда приветствовала. Могу сказать, что в последние годы жизни бывший муж стал моим другом. Но в девяносто шестом Коля скоропостижно умер.

Свою однокомнатную квартиру он завещал Пете, своему единственному сыну. По-моему, вполне нормальное решение вопроса. Больше из добра у Коли ничего не имелось. Но сестра моего мужа почему-то вбила себе в голову, что Коля должен был оставить квартиру ее детям — ну или ей самой. Она проживала в огромной трехкомнатной на Васильевском острове вместе с потомством и своей и Колиной матерью. У нас тоже трехкомнатная, но «распашонка» и совсем других габаритов, на последнем этаже панельной девятиэтажки, с постоянными протечками. В период осенних дождей соседи снизу со мной тазами делятся, как я подозреваю, из корыстных побуждений — чтобы к ним через меня не потекло.

На момент Колиной смерти мы обитали в «распашонке» с мамой и сыном.

А Колина сестра сделала то, что у нормального человека в голове просто не укладывается. В один прекрасный день у нас в квартире прозвучал звонок. Я открыла. В коридорчик также вышли мама и Петя. На пороге стояли Колина сестра и моя бывшая свекровь, по морщинистым щекам которой текли слезы.

— Квартиру вам завещали? — спросила Колина сестра, не здороваясь и явно не требуя ответа. —

В таком случае вот вам бабушка. Чемоданчик возьмите.

С этими словами женщина пошла вниз к лифту (он у нас между этажами), таким вот образом бросив родную мать, вынянчившую ее детей.

Мы с мамой вначале впали в состояние шока, а потом месяц откачивали Анну Ивановну. Откачали. Конечно, самой тяжелой оказалась психологическая травма. А потом моя мама упала со стула, когда меняла лампочку, и сломала шейку бедра. Я думала, что свихнусь с двумя бабулями, ухаживая сразу за обеими. Правда, я, как обычно, во всем вижу что-то положительное — за то время я похудела аж на целых семь кило, что стало моим личным рекордом. Но тут Анна Ивановна нашла в себе силы встать — и быстро пошла на поправку. Как она сама признавалась: поняла, что кому-то нужна. Через месяц мой весок вернулся в норму.

Еще через год мама умерла, а Анна Ивановна теперь относится ко мне как к родной дочери, балует пирогами и вареньями, вообще готовит она прекрасно и любит это дело. Я набрала еще несколько килограммов... Свекровь, правда, часто мне повторяет, что хорошего человека должно быть много, но я как гляну в зеркало, то думаю, что все-таки, наверное, не столько, а чуть поменьше. Ну хотя бы килограмм на пять, лучше — двадцать пять. Анна Ивановна возражает и пальцем показывает мне в зеркале мои же румяные щеки. «Не гневи Бога, Таня», — говорит. Ну, в общем-то, в некотором роде она права... На здоровье не жалею и никогда не жаловалась, болезненный вид тоже никогда не имела, а народ в транспорте, если я кого задену могучим плечиком, обычно рекомендует мне пахать вместо плуга,

впрягаться вместо паровоза, ну или просто забивать сваи, а не толкаться. Так что пешком я хожу и по этой причине: не может наш народ спокойно смотреть на мой цветущий вид.

В общем, живем мы теперь втроем: Петя в одном из «рукавов» нашей «распашонки», бабушка — во втором, а я в проходной комнате. Квартиру Петиного отца сдаем двум девушкам с Украины, которых мне опять-таки нашел мой шеф и муж подруги Бояров: они в его клинике — постоянные клиентки. Профессия у них специфическая, прости господи. Но девчонки вполне нормальные, им жить на что-то надо, и они, торгуя телом в Питере, на Украине свои семьи кормят. Мне платят четыреста евро в месяц (квартира полностью обставлена), а на праздники приезжают с подарками и, когда из дома возвращаются, тоже всегда везут что-нибудь вкусенькое. Знают мою слабость. Можно сказать, что мы дружим. Мне они на жизнь плачутся, я им тоже иногда, так что общаемся. А к кому они пойдут, если, не дай бог, у них в Питере что-то стрясется? Мне девчонок часто жалко бывает... А они мне говорят: как нам еще денег заработать?

Так, вот и исполком (ныне именуемый Территориальным управлением, правда особой разницы — если не считать увеличение количества чиновников и никому не нужных отделов и служб — я после смены названия не заметила) по левому борту, до моей девятиэтажки отсюда рукой подать. Последнее усилие... А не подняться ли мне пешочком на мой девятый этаж? Грамм триста скину? Не есть на ночь я все равно не смогу, а вот подняться по лестнице... Пожалуй, это мне скорее по силам. Все, пой-

ду пешком. Или, может, в понедельник? После обычной работы, а не уборки строительного мусора?

Внезапно у газона, идущего вдоль дороги и отделяющего проезжую часть от не освещенной ни одним фонарем пешеходной дорожки, по которой я шествовала в гордом одиночестве, прямо напротив входа в исполком притормозила какая-то «толстая» темно-синяя иномарка, задняя дверца открылась — и на уже покрытый травой газон с заднего сиденья выбросили... человека.

Я застыла на месте, стоя на одной ноге: вторую уже вынесла вперед, чтобы сделать следующий шаг, но поставить ее на землю не успела, впад в состояние шока. А иномарка тем временем рванула с места на большой скорости и, как я успела заметить, завернула на проспект Славы в направлении Московского. Из номера машины я разглядела лишь последнюю цифру, 6 вроде бы, хотя на сто процентов не уверена, остальные были несколько заляпаны грязью.

Затем глазоньки мои устремились на тело, лежащее на травке. Вот придет народ завтра на работу в исполком, то есть Территориальное управление... Хотя кто придет-то? Завтра же суббота, тут же напомнила я себе, то есть уже сегодня. Вообще-то у нас милиция тут рядом. Взгляд невольно устремился направо, в сторону торгового центра, в котором и размещаются наше районное отделение и паспортный стол. Может, мне туда нестись? Правда, одна наша соседка, когда у ее мужа колеса с «Жигулей», стоящих под окнами, свинтили, туда месяц бегала, но так толку и не добились. Участкового еще поймать надо, создается такое впечатление, что в свои часы приема он обязательно выезжает по какому-

нибудь делу. Соседка в конце концов плюнула, решив, что колеса им все равно не найдут, а от милиционеров за свою надоедливость можно и неприятность какую-нибудь схлопотать.

Так что нужен ли нашей милиции лишний труп? И мне — лишние проблемы? А ну как захотят быстро раскрыть убийство, а тут я — первая подозреваемая? Свидетелей нет, по внешнему виду я кому угодно шею свернуть могу одной левой, откуда милиции знать, что у меня душа добрая и я мухи не обижу? А если еще на допросы придется, как на работу, ходить? Мне это надо?

Не надо, решила я, ногу на землю опустила, по сторонам огляделась. Ни души. Кто мне алиби будет обеспечивать, если что? Ведь только же, кажется, народ был. В начале Пражской — так чуть ли не толпа, а сейчас — ни одного лица, или даже гнусной физиономии, или пьяной рожи. Ау, люди! Ну хоть бы собачник какой-нибудь, что ли, нарисовался... Так нет, как назло... Хотя, с другой стороны, если никто не видел меня поблизости...

Я сделала шаг вперед, потом еще один. Редкие машины по улице проезжали, но на валяющееся на газоне тело внимания никто не обращал и не останавливался, да и, откровенно признаться, фонарей, весьма тускло освещающих проезжую часть, на газон не очень хватает, про темную пешеходную дорожку я уже говорила, да и хозяева иномарки выбрали не самое удачное в смысле освещения место, малопригодное для рассматривания трупов припозднившимися прохожими.

Еще шагов пять — и я с мертвецом поравняюсь. Надо бы побыстрее его миновать. Хотя что он мне может сделать? Идиотка, не мертвых бояться надо,

сказала я себе. Живые могут оказаться гораздо страшнее. Хорошо хоть, хозяева иномарки меня на пешеходной дорожке не углядели. Или углядели и решили: идет толстая тетка средних лет, да она сейчас припустит отсюда на третьей космической... А не пора ли мне в самом деле?..

Труп шевельнулся. Я ойкнула. Труп схватил пальцами землю, совершил поступательное движение вперед, то есть в направлении меня, опять застывшей на месте, как раз напротив него. Труп... то есть это не труп. Час от часу не легче.

Я пригляделась. Вообще зрение у меня не самое лучшее (хотя и не такое уж и плохое — минус два), в очках я по улице ходить не люблю (так как считаю свои зеленые глаза самой привлекательной частью собственного организма), надеваю только в случае необходимости. Необходимость сейчас была, но очки отсутствовали, поэтому следовало подойти поближе. Как выяснилось, к живому человеку.

Подросток какой-то, решила я, приглядевшись повнимательнее. Со своей первой точки обзора я этого не поняла. И одет как-то странно. Узкие брючки и... туника? Или как это одеяние называется?

Человек тем временем пополз дальше... В направлении меня.

«Да чего я тут стою-то как истукан? — спросила я себя. — Помочь надо! В особенности если это мальчишка. По возрасту-то, похоже, как мой Петька. Только сынок габаритами в меня пошел. Хотя для парня это нормально, может, даже и здорово».

Я рванула по газону к выкинутому из машины человеку, присела на корточки — и чуть не грохнулась на пятую точку от удивления (ну, или от того, что она из моих частей тела перевешивает).

На меня подняла глаза девушка. Или женщина — возраст на глазок я определить не смогла из-за не нашего разреза глаз. Китайка, что ли? Или вьетнамка? Или кореянка? Я как-то в них не очень разбираюсь. Ну и подарочек мне на ночь глядя!

Я на нее вылупилась, она на меня тоже.

— Ты по-русски говоришь? — пролепетала я наконец.

— Да, — прошептала она, но в этот момент обмякла всем телом и рухнула лицом в траву.

Неужто померла? Это после всех моих страхов? Я быстро нащупала пульс у нее на шее — бьется. Так, надо действовать, чтобы в самом деле не окочилась. Силушки мне не занимать, с меня бы шпаллоукладчицу какому-нибудь художнику эпохи развитого социализма писать да Ленинскую премию за свой труд получить, но не нашел меня в свое время художник... Как, впрочем, и скульптор. Я сама себе, как и обычно, нашла лишние неприятности на голову. У меня талант к этому делу с самого детства.

В общем, я китайку-кореянку, или кто она там, подхватила на руки и поволокла к себе домой. Девушка оказалась легкой, я, случилось, сумки потяжелее таскала. Например, во время двух своих воjaжей в Турцию.

До места дошла, не встретив ни души, а во дворе столкнулась с двумя Петькиными друзьями, не знаю уж откуда возвращавшимися. Ребятки были слегка под хмельком, но меня признали (как можно меня не признать? Меня раз увидишь — на всю жизнь запомнишь), вылупились на ношу в моих руках и пролепетали:

— Здрасьте, тетя Таня.

— Привет, — сказала я и как ни в чем не бывало потопала дальше.

Оглянулась: парни, раскрыв рты, смотрели мне вслед. Наверное, решают: привиделась я им в пьяном ступоре или как? До белой горячки ребятам еще далековато, но если пойдут дорогами своих отцов, то она не за горами. А если еще и акселерацию учитывать... Ладно, пусть думают что хотят. Кого хочу — того и ношу по ночам. Мужика бы, конечно, было лучше где подобрать. Но какие мои годы? Еще три — и буду ягодка опять, совсем недолго ждать осталось.

У меня последний подъезд. Последний этаж, как я уже говорила. Пешком не пошла, в понедельник точно поднимусь, не с грузом же пешком идти? Добралась на лифте, китайку-корейку к стеночке приставила, чтобы позвонить, позвонила, девушку опять подхватила. В коридоре послышались шаги Анны Ивановны.

— Иду! Иду! — она всегда так говорит. А Петька, наверное, опять в компьютер нос сунул. Ну ничего, я приду — он из Интернета в дом вернется. Компьютер Петьке подарили украинские девчонки, которые у нас квартиру снимают. С одной из них клиент старым компьютером расплатился. Она вначале думала не брать, потом про Петьку вспомнила, ему как раз на шестнадцатилетие вручила, она-то сама не представляет, с какой стороны к нему подходить. А Бояров, работодатель мой, на пару с подружкой Людкой подключение к Интернету Петьке презентовали. Дальше Петька за игрушку сам расплачивается: сынок у меня молодец, подрабатывает разносом рекламы по ящикам. На Интернет, по крайней мере, хва-

тает. Ну и нам с бабушкой иногда что-то вкусненькое покупает.

Анна Ивановна, как и следовало ожидать, застыла в дверях с открытым ртом.

— Ты кого там еще притащила? — спросила потом, отодвигаясь в сторону, чтобы я с грузом прошла в квартиру.

— Понятия не имею, — честно призналась я. — Из машины выкинули.

— Кто? — спросила Анна Ивановна.

— Не знаю. Но не могла же я ее умирать оставить?

Анна Ивановна кивнула, входную дверь закрыла на все задвижки (хотя с нашей хлипкой дверью ни одна задвижка не спасет: кто захочет — ногой сильнее пнет — она и вылетит вместе со всеми замками, достойными секретного бункера). Как раз к нашему появлению в моей проходной комнате Петя Интернет покинул и глянул на меня, вернее, мою ношу, несколько осоловевшими глазами.

— Ой, что это с ней?! — не дала ему задать ни одного вопроса Анна Ивановна. — Таня, клади ее скорее на диван! Нет, не клади! погоди! Ни в коем случае не клади, пока я клеенку не подстелила. А то как кровь отмывать будем?

Анна Ивановна с резвостью молодой козочки рванула к шкафу, извлекла оттуда новую клеенку, кинула на диван, а затем стала руководить моим укладыванием девушки. Только водрузив ее на свое ложе, я увидела, что низ ее туники и верх брюк пропитаны кровью.

Мы с бывшей свекровью встретились взглядами.

— Боярову своему звони, — велела Анна Ивановна. — Пожалуй, это по его части.

Бросив беглый взгляд на так и не пришедшую в себя девушку, я отправилась к телефонному аппарату в коридоре, а Анна Ивановна, как наседка, стала кружить вокруг китайки-корейки. Петя донимал бабушку вопросами, потом потрусил ко мне в коридор, чтобы допросить и меня. Но что мы могли ему сказать?

Я позвонила домой Людке. Она уже лежала, хоть и не спала, я объяснила вкратце ситуацию.

— Ты — идиотка, — простонала Людка. — На кой черт ты ее подобрала?

— Но как же? — ответила я. — Нельзя же было ее там бросить!

— А если это мафия? — спросила Людка. — Я тут недавно детектив про китайскую мафию читала, знаешь, они что выдeldывают? А если их мафия воюет с нашей и ты влезла в их разборки? И тебя сделают крайней? Ты о сыне подумала?

Мафия — это Людкин конек. Она смотрит всю криминальную хронику по телевизору, читает чуть ли не все криминальные репортажи, а также документальную литературу на определенные темы, так что из всех моих знакомых вопросом владеет лучше всех. Моя свекровь — самый большой специалист по латиноамериканской любви, а соседка Зойка — по магии. Так что мое окружение в состоянии меня проконсультировать по любому вопросу. Я же просто великолепно владею темой похудения (в теории), только почему-то с практикой у меня не очень.

— А у нас в Питере есть китайская мафия? — уточнила я на всякий случай у подружки. — Ты про наш город читала?

— Не помню... — задумчиво произнесла Людка. — В Москве точно есть. Значит, вполне могли и к

нам переместиться. Таня, я прямо сейчас свой архивчик просмотрю и тебе сообщу.

— Мне не твой архив нужен! — рывкнула я. — Плевать я хотела на всю твою мафию, вместе взятую, как нашу, так и китайскую вкупе с корейской. Мне твой муж нужен! Дашь мужика в аренду?

— Он сегодня у Ленки, — сообщила Людмила. — Ей звони. Вернее, на его сотовый. Домашний-то могли уже выключить.

— Поняла, — сказала я, распрощалась с Людкой, пообещав сообщить ей о развитии событий, и набрала сотовый Боярова.

Поясняю ситуацию с Людкиным мужем: он — кобель любвеобильный, всегда шлялся направо и налево, а потом вдруг ни с того ни с сего положил глаз на родную Людкину сестру Ленку, с которой они много лет вместе работали, а потом создали гинекологическую клинику «Алена». Ленка-то в свое время и познакомила Людку с Бояровым. Сестрица повыпендривалась немного, но потом, наверное, решила, что деловое партнерство неплохо бы скрепить и постельным способом, так что крепко взяла Боярова за определенные части тела. Узнав об этом, Людка вначале к потолку взвивалась, если бы в доме имелась соответствующая метла, на ней бы, наверное, полетала и по квартире, и по фирме, где на пару трудились любовнички, но потом успокоилась. А теперь так даже и возрадовалась: уже третий год муж ни на одну левую бабу, кроме Ленки, не смотрел. От нее не особо-то погуляешь, тем более он на виду все время. Ленка была согласна терпеть законную жену (тем более это ее родная сестра), но другую любовницу придушила бы собственными руками. Бояров по большому счету был трусом и сердечную подругу

боялся как огня. Людка решила: пусть лучше с сестрой, чем с какой-то чужой бабой, — так мужик все равно в семье остается. А Ленке он на постоянное проживание не нужен. И Людмила каждый день мужа видеть уже не хочет: готовить там ему, стирать. Так что эту заботу они делят напополам с Ленкой.

Более того, Людка забросила все эксперименты с диетами (она раньше пыталась похудеть, хотя ей до меня килограмм пятьдесят, правда, мы с ней всегда преследовали разные цели: я — получить стройную фигуру, она — сохранить стройного мужа) и теперь не тратит зря деньги, а то, помнится, она за два месяца посещения какого-то модного диетолога сбросила пятьсот баксов и один килограмм. Я лично за пятьсот баксов (мне в карман) похудела бы на... десять кило.

В общем, теперь в семье Бояровых все довольны. Сам Бояров так больше всех. А я лично думаю: раз всех участников событий такое положение дел устраивает — так пусть на здоровье развлекаются.

Бояров был не очень рад меня слышать среди ночи. Вначале, правда, испугался: думал, что в офисе что-то случилось, но в этом плане я его успокоила и, как и Людке, вкратце поведала о водворении в мою квартиру китайки-корейки, или кто она там, и состоянии ее здоровья.

Людкин муж перешел на нецензурную лексику. Как гинеколог, он, конечно, был хорошо знаком с женскими половыми органами, но тут показал себя также и знатоком мужских, вообще человеческой анатомии и даже немного зоологии. Я его внимательно выслушала, со всем согласилась, но тем не менее напомнила, что он — врач, потом про одну известную клятву, которую он давал, надавила на совесть.

— Кто мне эту работу оплачивать будет? — гаркнул Бояров. — Ты, что ли, Танька? У меня, между прочим, не госмедицина! Я за бабки работаю! И у меня не «Скорая помощь»! Я только плановые операции делаю!

— Олег! — пролепетала я, прерывая этот поток. — Ну, а если умрет девка? У меня дома? Ты подумай, что я ведь тогда к тебе обращусь, чтобы от трупа избавиться. У меня ведь один мужик знакомый, к которому я по такому делу позвонить могу. И этот мужик — ты.

Последний мой аргумент подействовал гораздо лучше, чем напоминание про клятву Гиппократу и прочие увещевания. Бояров еще сказал в мой адрес парочку колоритнейших выражений из русского народного, но велел ждать его примерно через полчаса.

— Спасибо, Олег! — воскликнула я с чувством, в которое вложила всю силу своей широкой души, но он уже трубку повесил.

Анна Ивановна тем временем кружила вокруг девушки. Она ее успела раздеть (зачем?), выбила из холодильника кусок льда и положила китаянке-корейке на низ живота.

— А она не застудится? — спросила я. — Ведь там придатки или еще чего?

Хоть я и работаю в гинекологическом объединении, но в медицине не сильна, нас с Петей в случае какого-либо заболевания лечит Анна Ивановна, которая хорошо знает и таблетки, и травы. Правда, с подобным и моей свекрови сталкиваться не доводилось. Как я предполагаю.

— У нее кровотечение, Таня, — сказала Анна Ивановна, словно я этого сама не видела. — Я, чест-

но говоря, не представляю, что мы в наших условиях еще можем сделать. Ты лучше еще льда попробуй отбить из морозилки. И ты, Петя! — прикрикнула на внука бабушка. — Нечего тут смотреть.

Петьку-то, как я поняла, интересовало совсем не кровотечение, а обнаженное женское тело, которое он в натуральном виде лицезрел впервые. Это я надеюсь, что впервые. Мальчик-то мой еще только на следующий год школу закончит, хотя он и довольно крупный для своих шестнадцати с половиной. Девочки у него постоянной нет, после появления в нашем доме мальчика под названием Интернет девочки вообще отошли на второй план, но от природы-то не уйдешь.

Это не вьетнамка, тем временем решила я. Те вьетнамцы, что торгуют у нас на Звездном рынке, и те, что в свое время стояли в пешеходных переходах, выглядели по-другому — и выглядели гораздо мельче. Эта же девушка, хотя и оказалась меньше средней россиянки, все-таки не миниатюрная статуэтка. Я сказала бы, что ей подойдет сорок второй размер, возможно, даже сорок четвертый. Кожа у нее была желтоватого оттенка, красивая грудь тянула примерно на наш второй номер, черные густые волосы обрамляли лицо. Стрижка показалась мне несколько нетрадиционной (или это для моего глаза?). Больше всего поразили волосы в другой части тела: там они были абсолютно прямые.

Девушку пытали: на коже остались следы побоев, круглые ожоги от сигарет (по крайней мере, мы со свекровью так решили), какие-то порезы.

Петя отправился отбивать лед, а мы встретились взглядами с Анной Ивановной.

— Похоже, мучили, потом изнасиловали, — тихо сказала свекровь.

— Похоже, — согласилась я.

Девушка в чувство так и не пришла. Но, пребывая в бессознательном состоянии, произнесла несколько слов на непонятном нам языке.

— Петя! — рявкнула бабушка. — Диктофон носи! Запишешь, чего она тут говорит.

— А кто переводить будет? — спросил Петя, но устройство все равно принес и поставил на запись.

Мы стали ждать, не скажет ли пострадавшая что-нибудь еще. Но она молчала.

— Сейчас я заряд проверю, — глянул на меня сын, — и ты диктофон с собой возьмешь. Ты же поедешь к дяде Олегу в клинику?

— Конечно, поеду, — устало вздохнула я. — Давай объясняй, на что тут у тебя нажимать надо.

К приезду Боярова я уже освоила и запись, и воспроизведение: до этого Петькиной машинки не касалась.

* * *

Бояров, как и следовало ожидать, приехал вместе с Ленкой.

— Ты опять во что-то вляпалась? — хмыкнула Людкина сестра. Я смолчала, просто пригласив обоих гостей в комнату, где на диване лежала девушка.

— М-да, — только и изрек Бояров, но не зря его клиника пользовалось успехом в городе: гинекологию свою он знал, как и Ленка.

Не откладывая дело в долгий ящик, они осмотрели девушку, посоветовались шепотом, потом объ-

вили мне, что ее нужно немедленно доставить на операционный стол.

— Одеяло давай какое-нибудь, — велел Бояров. — Не так же ее нести.

Анна Ивановна тут же подсуетилась и сказала мне на прощание, что не ляжет, пока я не вернусь. Сынок, как я догадывалась, снова уйдет в Интернет и моего отсутствия не заметит.

А мы с Бояровым и Ленкой помчались на Ленкиной машине в клинику, благо было недалеко.

На операции я раньше не присутствовала никогда, но тут пришлось освоить еще одну профессию: не вызывать же Боярову медсестер среди ночи. Слава богу, что от вида крови я сознания никогда не теряла, но зрелище, признаюсь, было не самое приятное в моей бурной жизни. Врачом мне становиться никогда не хотелось, а про мужиков-гинекологов я вообще всегда думала: как они потом с женщинами в половые отношения вступают? Хотя, если судить по Боярову, очень даже активно: если бы не Ленкино зоркое око, еще бы и пациенток «лечил» вполне определенным способом на своем рабочем месте. Или подобная специальность, наоборот, способствует пробуждению и развитию кобелиных наклонностей? Ладно, не буду углубляться в научные дебри.

Бояров с Ленкой действовали слаженно и девушку в скором времени зашили, а также обработали ей все наружные кожные повреждения, потом Бояров перенес ее на кровать в отдельной палате, где также стоял и диванчик для родственников.

— Дежурить будешь ты, — сказал он мне.

Я кивнула и поинтересовалась, что мне конкретно делать.

— А ничего, — сказал он. — До утра не проснется. Но когда очнется, лучше, чтобы рядом кто-то был. Успокоишь. А завтра днем и я подгребу, посмотрю. Жаль, конечно, что у нас все в отпуске на время ремонта и первая смена только в понедельник выходит. Вызвать, конечно, можно, но, наверное, ни к чему. Полежит тут пару дней — и к себе ее заберешь. На понедельник у нас уже операции назначены... Значит, увезешь в воскресенье вечером. Думаю, оклемается.

— Ты что, хочешь сказать, что через двое суток уже бегать сможет? — воскликнула я.

— Бегать не сможет, но в чувство придет. У тебя дома полежит. Вы-то с бабулей, как я понимаю, такой уход обеспечите, что ни в одной больнице такого не будет. Тань, тебе бы, может, еще одного ребенка родить? Столько в тебе энергии неостребованной, я прямо поражаюсь. Ну хоть мужика заведи, что ли.

— А где его взять-то? Мои ровесники или спислись, или заняты все — те, что поприличнее.

— Кто ищет — тот всегда найдет, — изрекла Ленка. — Вон она очухается, — Ленка кивнула на девушку, — ты и попроси найти себе какого-нибудь узкоглазого. В знак благодарности. Говорят, китайцы — любовники хорошие, искусство любви у них тысячами изучают, потом «Камасутры» всякие пишут.

— Это Индия, а не Китай, — встрял Бояров. — Чему тебя только в школе учили?

— Этой самой «Каме» с утра и с вечера, — засмеялась Ленка.

«Вот только китайца или корейца мне не хватало для полного счастья», — тем временем подумала я. В особенности в моей «распашонке».

— Ладно, Таня, мы поехали, — сказала Ленка. — Если что — звони. Надеюсь, что все будет в порядке. Но вообще-то над ней здорово поизмывались...

Глава 2

До вечера воскресенья я жила в объединении «Алена», еду мне и девушке привозил сын. Бояров с Ленкой ее дважды осмотрели и дали добро на перевоз ко мне. Я не была уверена в том, что это стоит делать, но они категорически отказались оставлять ее у себя в клинике. С понедельника должны были поступать клиентки, которые за свое пребывание и таланты Боярова будут отстегивать немалые бабки. Но спасибо Олегу с Ленкой и за то, что они сделали.

У меня дома мы разместили больную на моем диване, а я устроилась на широком матрасе на полу. Девушка жестами стала показывать, что сама ляжет на пол, но мы втроем в ответ показали, что тверды в своем намерении разместить ее на диване.

Девушку звали Мей Лу, и была она китаянкой. По-русски она многое понимала, кое-что могла сказать сама, но по большей части мы общались на пальцах. Как я заметила, сынок на нее все время укордкой поглядывал, что для Мей Лу не осталось незамеченным. Она скромно опускала ресницы. Девушке, по ее признанию, было двадцать два года, хотя, откровенно говоря, я могла бы ей дать любой возраст от шестнадцати до тридцати, точнее определить не могла своим русским глазом.

В понедельник Мей Лу показала жестами, что хочет позвонить. К сожалению, у моего аппарата длинный провод отсутствовал, так что я помогла по-

стоялице дойти до него и усадила на табуретку перед телефоном.

— Таня, а она не в Китай случайно звонить собирается? — ухватила меня за рукав Анна Ивановна. — Если нам потом счет придет? Кто его оплачивать будет? Ты представляешь, сколько это стоит?

Мы с Анной Ивановной стали напряженно прислушиваться к вращениям диска — аппарат у нас дупотопный, но выделить средства на новый никак не получается. Мои квартирантки со смехом каждый раз обещают презентовать — в особенности, если с кем-то из них клиент телефонным аппаратом расплатится.

Мей Лу набрала номер из семи цифр.

— Уф! — выдохнули мы с Анной Ивановной. Питерские номера как раз семизначные.

Мы обе превратились в два больших уха (а сидели мы на кухне, как две мышки, хотя я, как и обычно, чувствовала себя в ней бегемотом), но, к нашему великому сожалению, понять из разговора Мей Лу с неведомым нам абонентом ничего не смогли.

— Эх, надо было языки учить, — вздохнула Анна Ивановна.

— Надо, — кивнула я и тоже вздохнула. Хотя бы английский выучить, что ли, к пенсии? Вон Петька более или менее освоил, в особенности, когда у нас компьютер завелся. Познакомится еще с какой-нибудь девахой по своему Интернету и приведет в дом виртуальную реальность. Как она мне тогда по хозяйству помогать будет? Тоже виртуально?

Мей Лу говорила минут пятнадцать, но даже по ее голосу мы не могли разобраться в выражаемых ею эмоциях: интонации какие-то другие, отличающиеся от русских. Но мы с Анной Ивановной все равно

слушали и то и дело многозначительно переглядывались. Я строила в голове различные версии, предполагаю, что бабуля наша тоже. Потом сравним. Кто эта китаянка? Откуда свалилась на наши шеи? И, главное, не нажили ли мы себе на буйные головы каких-то неприятностей, ее у себя приютив? Хотя я ведь не могла ее бросить умирать на газоне...

Затем, как мы услышали, Мей Лу положила трубку на полированную тумбочку, на которой стоял аппарат, и двинулась по стеночке в кухню. Мы с Анной Ивановной тут же вскочили ей навстречу.

— Вы, — сказала Мей Лу, на меня глядячи своими черными глазами. — Там. Папа. Позялюста. — И показала в сторону прихожей.

По-моему, «позялюста» было любимым русским словом нашей постоялицы, она заменяла им «спасибо» и ряд других.

Расспросить я ее, к сожалению, ни о чем не могла (вернее, могла, но толку-то? Как она мне отвечать будет?), так что только кивнула и проследовала к телефону.

— Алло! — сказала с некоторой робостью. Что там за папа и на каком языке он намерен со мной общаться? Кстати, мафиози своих начальников папами зовут или как-то по-другому? В смысле, при личном обращении? Про крестных отцов слышала не только моя подруга Людка, но и мы с бабулей. Тема-то весьма модная в наше время.

— Добрый день, — сказал мягкий мужской голос с небольшим акцентом. — Меня зовут господин Лим, я — отец Мей Лу.

— Здрасьте, — протянула я, немножко обалдев, в первую очередь от того, что господин Лим очень даже неплохо лопочет по-русски.

Он выяснил мое отчество, тепло поблагодарил за Мей Лу, которая, как он выразился, «ему все рассказала», и попросил разрешения приехать за дочерью, для чего хотел узнать наш адрес. Я сказала про клинику Боярова, про то, что врачи еще должны осмотреть Мей Лу и будут ко мне заезжать каждый день, так что, может, стоит пока оставить девушку у меня? Я глянула на Мей Лу, подпиравшую стенку напротив. Услышав мое предложение, Мей Лу вроде обрадовалась: в черных глазенках промелькнула радость, но потом ее лицо лишилось всякого выражения.

Мой же собеседник проявил настойчивость в своем желании со мной познакомиться.

— Татьяна Александровна, я в состоянии обеспечить своей дочери лучших врачей, не беспокойтесь. Я — богатый человек, Татьяна Александровна. Давайте я приеду к вам, и мы все обговорим лично. Я хочу вас отблагодарить.

— Да не за что меня благодарить! Я сделала то, что сделал бы любой нормальный человек! Не могла же я оставить Мей Лу на газоне!

— К сожалению, Татьяна Александровна, далеко не каждый человек поступил бы так, как вы, — проворковал китаец. — Продиктуйте мне, пожалуйста, свой адрес.

Я продиктовала. На другом конце провода повисло молчание («Его что-то удивило?»), затем господин Лим снова попросил к телефону дочь, а я, наблюдая за Мей Лу, разговаривавшей с отцом, успела заметить испуг, промелькнувший на ее лице, потом она что-то очень бойко залопотала на своем языке. Правда, она быстро взяла себя в руки и вскоре снова

сунула мне трубку, раза три повторив свое «позялюста» каким-то робким тоном. Лим обещал появиться у нас минут через тридцать. На том мы и распрощались. Но чего испугалась Мей Лу?

* * *

Мы с Анной Ивановной принялись судорожно приводить квартиру в божеский вид: это у нас всегда перед приходом гостей. Петя отсутствовал — он, как я говорила, то рекламы по почтовым ящикам разносит, то еще что-то, в общем, мальчик мой деньги зарабатывает, а если не зарабатывает, то в Интернете болтается, иногда еще и в школу заглядывает. Ну хоть бы на карьер сходил! Уже ведь загорать можно. У нас тут два неподалеку. Я лично в свои свободные дни при хорошей погоде обязательно навещаю, люблю я солнышко. И карьеры наши — не какие-нибудь выпендренные южные пляжи, где уже, говорят, и вход в воду платный сделали. У нас народ и в исподнем может загорать и купаться, да и мне не стыдно своими пышными телесами трясти, а на юг я бы постеснялась ехать. Или, может, стимул был бы похудеть? Если бы меня кто-то пообещал вывезти в Крым? Или, например, куда-нибудь на Средиземное море, не говоря уже о Карибском? Ладно, мне и на Ивановском карьере хорошо. По крайней мере, я тут себя комфортно чувствую. Хотя где я не чувствую себя комфортно?

Мей Лу с большим удивлением следила за нашими с бабушкой телодвижениями и пыталась что-то говорить, но мы ее все равно не понимали. Интерес-